

3. Текст как семантический вирус // Математика и искусство: Труды межд. конференции. Суздаль, 23—27 сентября 1996 г. М.: МГУ, 1997. С. 226—231.
4. Симметричные преобразования подобия и творчество А. Ахматовой // Ежегодник НИИ русской культуры: 1995—1996. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 75—86.
5. Проблема формы «Железобетонных поэм» Василия Каменского // Дергачевские чтения—98: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы межд. науч. конференции 14—16 октября 1998 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 156—158.
6. Поэтическое творчество как активация архетипических структур сознания // Архетипические структуры художественного сознания: Сб. статей / Под ред. В. В. Короны и Е. К. Созиной. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1998. С. 24—37.
7. Ахматовский Пушкин // Пушкинский глагол: Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол». 20—21 мая 1999 г. / Под общ. ред. Ю. В. Казарина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 18—28.
8. «Как спорили тогда — ты ангел или птица!» // Русская женщина — 2: Женщина глазами мужчины. Материалы теоретического семинара 25 мая 1999 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 28—31.
9. Личность А. Ахматовой как феномен культуры // Языки науки — языки искусства. Тезисы IV межд. конференции «Нелинейный мир». Суздаль, 7—12 июня 1999 г. М., 1999. С. 52.
10. Семантика ритма и поэтический мир Анны Ахматовой // Известия Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург, 1999. № 13. С. 22—54.
11. Поэзия Анны Ахматовой: Поэтика автовариаций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 263 с.
12. Безымянные спасительницы Н. А. Некрасова // Русская женщина — 3. От кухарки до музы: женщина в культуре. Материалы теоретического семинара 24 мая 2000 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 37—41.
13. Мороз, красный нос и его жена Дарья // Архетипические структуры художественного сознания: Сборник статей. Второй выпуск / Под ред. В. В. Короны, Е. К. Созиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 24—47.
14. Семантика серого цвета в творчестве А. Ахматовой // Дергачевские чтения — 2000: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы межд. науч. конференции 10—11 октября 2000 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 150—156.

ФРАГМЕНТЫ ПЕРЕПИСКИ В. В. КОРОНЫ И А. С. БУРШТЕЙНА*

7. 11. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...До лета этого года [я] работал в УрГУ на биофаке (доцент каф. ботаники), параллельно занимаясь стиховедением в русле структуральной поэтики. «Реальность мифа»¹, на мой взгляд, — блестящий образец структурного подхода в этой области. С осени работаю в Институте экологии, продолжая, по мере возможности, литературоведческие и стиховедческие изыскания, хотя основная [моя] тема — морфология растений. ...

17. 11. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...«Реальность Мифа» была написана в основном уже году в 1983—84-м. Структурный подход? Да, наверно, хотя я не думал об этом, когда писал эту книгу. Скорее напротив, то, что называлось тогда «структурализмом» в СССР — школа Лотмана, меня инстинктивно не удовлетворяло и даже раздражало чем-то, пожалуй... Для меня, впрочем, вопрос прояснился после того, как я разобрал стихотворение Пушкина «Зорю быют...». Этот анализ вошел в «Реальность Мифа».

18. 11. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

Конечно, многое хотелось бы обсудить, хотя это и трудно без устного общения. Лет 15 назад я мало что мог рассказать интересного филологу, поскольку с головой был погружен в морфологию растений. Но благодаря хорошо всем нам известным событиям, которые примерно тогда же и нача-

* Составлено и упорядочено А. С. Бурштейном 28.07.2001. Выборка фрагментов переписки специально для данного сборника произведена Л. Ю. Прудниковой. Редакторская правка дана в квадратных скобках. Примечания составлены редактором.

лись, с естественными науками вскоре было покончено, и единственное, что осталось — это попытаться применить свои навыки в другой области. А поскольку сфера языка и мышления меня всегда интересовала, то ближайшей областью, как мне показалось, может быть литературоведение. В книжных магазинах исчезли отделы «Биология», зато многократно увеличилось число самых различных изданий, преимущественно из сферы гуманитаристики.

Ранее я уже читал Лотмана и меня подкупил, конечно, не метод (самоочевидный для любого естествоиспытателя, ибо так только мы и работаем уже лет 300), а попытка его распространения на гуманитаристику. «Структуральная революция» в алхимии превратила ее в химию и способствовала возникновению современных химических технологий, плодами которых мы все пользуемся. Эта же «революция» в естественной истории привела к возникновению биологии и т. п. Поэтому и у Лотмана я ощутил попытку перейти от «магии и алхимии слова» к филологии как науке. Исторические процессы такого рода длятся столетиями, поэтому неудивительно, что «героическую эпоху структурализма» сменила эпоха постструктурализма, а сейчас и не знаю уже чего.

19. 11. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

Что ж, мне нравится Ваш подход, Вы рассматриваете проблему комплексно и сверху. Это, наверное, правильно и продуктивно, и несомненно интересно и красиво. Но боюсь, что я смотрю на анализ текстов более узко и романтично — так получилось. Я считаю себя не ученым, а литератором, и интересовала меня не наука, а поэзия. Я хотел понять, что это такое, и так как доступные мне в 1970-е годы материалы не давали ответа на этот дурацкий вопрос, мне пришлось для ответа разрабатывать свою модель. Так получилось, что она оказалась продуктивной и позволила мне научиться глубоко проникать в текст и делать небезынтересные разборы, которым тогда аналогов не было. Далее интерес к собственно модели я потерял, зато в каждый новый разбор бросался как в омут, никогда не зная, к чему он меня приведет. И я стремился превратить мои разборы в особый художественный жанр, добиться того, чтобы они были интересны как детектив и читались как стихотворение, сохраняя жесткую и строгую логику исследования.

С искренним уважением и благодарностью за высокое (в смысле «высокой беседы») письмо — Ваш А. Б.

20. 11. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

Получил все письма и приложения (Галич, «Пуговка», Велтиста²) и, конечно, первым делом все прочитал. Действительно, мы из одного карасса и одного фаллона, хотя, разумеется, присутствуют и индивидуальные различия. Еще со студенческих лет не давал покоя вопрос: что такое стихи? Всегда интуитивно ясно было, что это слишком серьезное дело, чтобы доверить его одним только стиховедам. В доступной в то время литературе никакого удовлетворительного объяснения не было, и я попытался понять хоть что-нибудь для себя. Выбор творчества Ахматовой случаен. Первым, с кого я начал, был Блок, но вскоре мне встретилась работа З. Г. Минц, которая видела Блока гораздо лучше. И тут случайно попался сборник Ахматовой, и я вдруг увидел независимо от Лотмана, что это единый текст, а главное — совершенно прозрачный. Однако почему-то никто, кроме меня, этой прозрачности не видел и описывал свои собственные ощущения от текста, а не то, о чем говорила Ахматова. Попыткой передать свои ощущения от Ахматовского стиха и одновременно — ее собственные, является моя книга. Реализованное, как известно, сильно отличается от задуманного, но и читатель читает совсем не то, что написано автором. Физики, например, убеждены, что некоторые мысли автора лучше понимает не автор, а читатель, поэтому автору не стоит слишком уж беспокоиться о ясности текста.

20. 11. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

Действительно забавно, особенно забавно то, что надо же было двум жителям одного города, задавшимся одним и тем же не самым распространенным в мире вопросом, услышать друг о друге тогда, когда один из них уехал в другую страну. Впрочем, если так получилось, то, наверное, зачем-то надо было, чтобы случилось именно ТАК.

О едином тексте, который писала Ахматова. Я для себя понимаю это так: каждый художник всю жизнь описывает некий мир, космос. Этот мир с реальным не совпадает, определяет его всегда индивидуальный и уникальный, только этому художнику (шире — человеку) присущий комплекс мифологем. Каждое стихотворение высвечивает некую часть пространства этого мира. Художник может понимать что он делает, а может — и нет, так как, заговорив о мифологемах, мы вторгаемся в область бессознательного.

Видимо, именно этот мир Вы называете единым текстом.

22. 11. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...Отвечая на последнее письмо, замечу, что за поэтическим текстом стоит поэтический мир, который и является предметом моего анализа. Когда я работал с Ахматовой, она мне однажды

приснилась и подтвердила, что я пишу хотя и не совсем о том, что она имела в виду, но изоморфно. Не сомневаюсь, что общение с живым поэтом, а не только с текстом, должно способствовать более точному описанию поэтического мира. (Впрочем, в случае с Ахматовой эти вещи оказываются мало связаны).

24. 11. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...Напомню, что пресловутая «перестройка», о которой так много говорили еще лет 8 назад, это «революция сверху», т. е. результат раскола в правящей элите. А на местах все осталось по-прежнему. Точнее, меньшая часть правящей элиты взяла власть деньгами и живет по-новому. Это «новые» и «сверхновые русские», а остальные — [живут] прежними заботами, интересами и на том же уровне. Система оказалась ультрастабильной. Биологический аналог: после появления цветковых растений мхи, плауны и папоротники никуда не исчезли, а остались под пологом леса. Прежние экономические формации никуда не исчезают и не трансформируются в масштабе всей страны, а могут сохраняться неопределенно долгое время. Из этого следует, что и среди современных людей встречаются и неандертальцы, и кроманьонцы, и люди будущего, и вообще неизвестно кто, по отношению к которым говорить о присутствии или отсутствии у них человеческих качеств просто некорректно.

25. 11. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

Во-первых, прочитал вчера вечером все присланные с последней почтой статьи (Бродский, Мандельштам, Мокша³), и впечатление, должен сознаться, сильное. Напрасно ты пытаешься выдать это за новый литературный жанр. Это жанр научных работ. Позитивистское мышление получает в твоих работах лишь более художественное, чем обычно, оформление (впрочем, Ницше выражался не менее художественно). Об этом говорили мне, поэтому смело повторяю тебе — работы такого рода открывают новое литературоведческое направление. Не знаю, как правильно назвать это, может быть — «научное» или «позитивное» литературоведение, подразумевая под этим тот аспект комплексного явления, которому уделяется особое внимание.

Каждую статью, разумеется, следует обсуждать отдельно, поэтому ограничусь краткими замечаниями на полях. В стихотворении Бродского было бы интересно определить еще и позицию автора. Не правда ли, автор, наблюдающий все это со стороны, — существо еще более загадочное, чем все действующие лица?

Туман Мандельштама удивительно перекликается с туманом Ахматовой: «Плыл туман как фимиамы Тысячи кадил» (т. е. Божий мир, окутанный в туман, превращается в Божий храм). А у Мандельштама наоборот. Диссимметрия. А так тянулись друг к другу. И еще перекличка Ахматовой с Мандельштамом, возможно, бессознательная: «И шутя, золотую иглу Прямо в сердце мое окунуло».

...Попутно сообщу о себе, что моя фамилия не монархическая, как некоторые полагают, а греческая (Коронас), а ее нынешняя форма — продукт тех же преобразований, которые превратили Периклеса в Перикла, Геркулеса в Геракла и т. п. Семейное предание гласит, что исход из Македонии состоялся при Екатерине, а место для нового поселения было отведено на юге России (город Мариуполь). Ну, а после войны отец оказался на Урале, где и остался, поскольку возвращаться было некуда. Со студенческих лет меня принимают за еврея, что и вызвало интерес к истории и культуре еврейского народа, но никакого обращения в иудаизм, или ислам, или католицизм не произошло. Подобно Александру Македонскому, я могу, конечно, задуматься над вопросом: кого назвать в качестве Отца — Зевса или Посейдона? Но груз биологических знаний тянет на самое дно — даже не к обезьяне, не к муравью и не к амебе, а к принципам самоорганизации в неравновесных системах, для которых еще нет наименований. Наука и религия — это ведь, по интенции, одно и то же. Не случайно они то сливаются без всяких швов в индивидуальном сознании, то яростно противостоят друг другу в общественном, поскольку занимают одно и то же место. Если бы они обитали в разных местах и питались из разных источников, то за что бы они боролись друг с другом?

Если и встречаются в моих высказываниях какие-то «диссидентские блошки», то это чистая случайность. Никогда никакая политика меня не интересовала и не интересует. Но, как у всякого научного работника, у меня есть свои представления о политическом устройстве общества, о вкусной и здоровой пище, о методах воспитания детей и т. п. Однако я полностью осознаю, что вся оригинальность этих взглядов — результат неполной и недостоверной информации, которой оперирует каждый неспециалист. Только у научного работника она еще и профессионально упакована, поскольку он привык добытые неполные и недостоверные сведения оформлять в виде законченных статей, а наличие подобной «упаковки» создает иллюзию полного, исчерпывающего и достоверного знания. С биологической точки зрения, опять-таки, в любой социальной группе автоматически устанавливается иерархия в силу внутренней склонности составляющих ее членов к захвату максимально возможного жизненного пространства. Чем больше усилий тратит каждая отдельная особь на захват жизненного пространства, тем выше ее положение в иерархии. Это универ-

сальный биологический закон, действующий и у пчел, и у мышей, и у людей. Вся политика — это стратегия и тактика выстраивания иерархии и встраивания в нее, что совершенно необходимо для биологического существования. У меня лично биологические интересы на втором плане, поэтому политика особенно и не интересует. Разбирать стихи, действительно, интересней всего, но это требует немалых интеллектуальных усилий, которые в университете я тратил на подготовку и проведение занятий, а в институте — на научную работу.

Я бы с радостью занимался не стиховедением, а ботаникой, если бы для этого были хотя бы те возможности, которые имелись десятилетие назад. Советские руководители постоянно боролись с наукой, отлавливая и истребляя наиболее талантливых ее представителей, поскольку видели в них, и справедливо, прямую угрозу своему существованию. Научный работник, если он профессионален, руководствуется не мифологемами, а операционально доступными представлениями, иначе он ничего не сделает в науке. Этими же представлениями он руководствуется и в общественной, и в личной жизни — и тут уж превращается во всеобщего врага. Демифологизация общественных и личных отношений превращает его в диссидента и циника, если не хватает ума скрывать приобретенную в сфере профессиональной деятельности способность видеть окружающее в рентгеновских лучах, т. е. без покровов.

25. 11. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...Это новое направление я открыл 15 лет назад, думал, что порох изобрел. На самом деле похожий подход практиковали в Китае в 16 веке.

О Бродском. Я доволен этой статьей, так как сумел увидеть в стихотворении то, что никто не замечал: что слушающий слышит говорящего до того, как тот говорит. Когда удается заметить что-то в старом тексте, который до тебя читали миллионы, но все равно проходили мимо, это всегда приятно. Мне удалось это дважды: в этой статье о Бродском и в статье о Мцыри⁴, которая в свое время наделала много шума.

04. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...Суть структурализма, собственно, сводится к призыву сначала думать, а потом делать, но думать при этом не о себе, а о том, что же все-таки хотел сказать (или скрыть) автор. Пытаться, задавая вопросы, услышать его, а не свои ответы и не торопиться с выводами, постоянно напоминая себе о принципиальной неполноте доступной информации. А чем меньше информации, как известно, тем больше эмоций.

06. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...О себе в автобиографическом плане могу повторить слова Ахматовой: «Только нет у меня родословной Кроме солнечной и баснословной». Это я понимаю так: что бы о себе ни рассказывал, все — басни. С этим предисловием скажу, что отец мой, по паспорту, грек (Коронас), чей прадед переселился в Россию из Македонии еще при Екатерине, и с той поры потомки обрусели до такой степени, что забыли алфавит, не говоря о языке и культуре. Сестра отца была замужем за известным украинским историком Андреем Петровичем Ковалевским, в семье которого я фактически и вырос и которого могу назвать своим духовным отцом. Мне кажется, отец специально организовал так, чтобы я воспитывался еще и в этой семье. Так что с детства, с одной стороны, жил в простой рабочей среде, а с другой — периодически погружался в среду старой интеллигенции, так точно описанную М. Булгаковым в «Турбинах». Для меня очевидно, что прототип Мастера в его же романе «Мастер и Маргарита» — это Григорий Сковорода, портрет которого висел в те годы в доме каждого украинского интеллигента. Мастером на Украине называли священника, обучавшего детей грамоте по Евангелию. Этим и знаменит был Григорий Сковорода, за это и преследовался и даже сидел в сумасшедшем доме.

...Дело в том, что сейчас люди и между собой как-то уже и не разговаривают, а все больше общаются. Поэтому любой разговор (под этим я подразумеваю не только самовыражение, но и ответы на правильно понятые вопросы собеседника) производит сильное впечатление.

06. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...Методика — действительно слегка устарела, нечто подобное делали еще талмудисты. Но менее продуктивной не стала, вот беда. И потом — не в методике ведь дело, а в результатах. А там — хоть в рифму или без.

08. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

О методе прежде, помнится, говорились, что он изобретен еще китайцами вместе с компасом и порохом и твоей заслуги в этом нет никакой. А сейчас упоминается другой источник — Талмуд. На эту сверхскромность хочу заметить, что вокруг меня нет ни одного китайца, а если бы таковой

и оказался, едва ли он был бы способен разбирать по складам труды по поэтике четырехсотлетней давности. Да и откуда такая уверенность, что там изложен именно этот метод? А если именно этот, то опознать его смог опять-таки только Бурштейн, настроенный на ту же волну. История не звучит, если здесь и сейчас нет человека, способного к тем же свершениям, а значит, к опознанию подобного и его оценке. В этом контексте я и воспринимаю «метод Бурштейна» по дешифровке архетипических, мифологических, психоаналитических структур поэтического текста. Без ныне живущего Бурштейна откуда бы мы узнали, что открытый (разработанный) им метод уже был известен толкователям Талмуда?

По-моему, я уже писал, что метод, о котором идет речь, это вариант внимательного, вдумчивого чтения, к чему способен далеко не каждый. Не каждый же способен перемножать в уме шестизначные числа или хотя бы трехзначные. Но стоит овладеть соответствующей методикой — и размеры чисел уже не препятствуют их перемножению. Так и в толковании текстов.

Другими словами, ты, Аркадий, безусловно прав, отказываясь от сомнительной роли автора метода и ссылаясь на каких-то неведомых предшественников из незапамятных времен. Но если применить к этому случаю твой же метод, то становится очевидно: у анонимных предшественников, скрытых в непроницаемой (туманной) толще времени, есть имя. Это имя — Бог. Скромное отрицание авторства подразумевает на деле вполне определенный смысл: «это во мне от Бога».

Но если от роли автора еще можно отвертеться, то как отвертеться от роли проводника (медиа, провода, окна), соединяющего настоящее время, в котором мы все живем, с прошлым? Спасает только то, что человек обычно не замечает окна, благодаря которому он и видит происходящее вне окружающих его стен.

Оцени, как тонко я тебе польстил, не погрешиз против точного описания места и роли твоего метода и его значения для истории русской культуры (а не только китайской и еврейской).

08. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

Честно говоря, я даже не знаю что и как тебе отвечать, настолько ты меня огорчил своим последним письмом. Кажется, я теперь гонимаю, что чувствуют поэты, которых я ведрючил. Все, что ты написал, — очень точно, более чем точно. Похоже, что мы с тобой идем одной и той же дорогой, иначе бы ты просто не мог увидеть и написать того, что увидел и написал.

Хотя и у меня есть оговорки. Действительно, мои разборы немислимы без медленного вчитывания, как принято называть это в западном искусствоведении. Но, кроме медленного вчитывания, я бы еще назвал осознание семантических рядов и семантических волн и осознание их связи с мифологемами, растворенными в тексте, что собственно и является целью медленного вчитывания в систему, которую я практикую. Наверно, это можно назвать методом.

...О евреях и китайцах: о китайской литературоведческой школе, практикующей схожий подход, ты можешь прочитать в книге Голыгиной «Из истории китайской эстетики», в «Реальности Мифа» была ссылка, а сейчас я не помню ее выходных данных.

О талмудистах я узнал уже здесь: была такая система толкования Торы: брали слово, искали другие контексты его употребления в Торе — и накладывали значения, которое слово приобретало в тех употреблениях, на данный контекст, получая прихотливые семантические поля.

09. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

Конечно же, мы занимаемся одним делом, причем параллельно и независимо... Различие только в том, что я ограничился одним автором (зато каким!) и понимаю Ахматову уже почти как соседку по квартире, а во-вторых, рассматриваю ее творчество (миропорождение) в контексте ее же собственно поэтического мира, чем систематически, насколько мне известно, никто еще не занимался.

11. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...Представь, что ты всю жизнь занимаешься высшими творениями человеческого духа, а тут приходит какой-то биолог (а на южно-русском диалекте звучит еще лучше — биолух) и просит что-нибудь почитать «для общего развития»... Это люди, в силу своей профессиональной ориентации «недалекие от природы» (цитата из выступления одного из преподавателей на Ученом совете биофака: «Биолог должен быть человеком, не далеким от природы»). Отличиям ямба от хорея их еще можно научить, а вот спондею от пиррихия — никогда. И этот туда же, «с клешней».

11. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...А что ты по поводу Кальпиной статьи⁵ думаешь? Ты мне ни словом на нее не откликнулся. Точнее, я спрошу, наложился ли разбор текста на твою «картинку»?

11. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

О какой работе Кальпиди ты спрашиваешь?.. Или ты спрашиваешь о своем разборе его текста?

Это отдельный разговор, который я в данный момент вести не в состоянии. Скажу только, что значимость реконструкции определяется степенью знакомства с поэтическим миром автора. Мне поэтический мир Кальпиди не знаком. Я не знаю, к чему он стремится, чего опасается, как структурирует для себя окружающую действительность, какими смыслами ее наделяет. А без этого трудно судить, соответствует ли проведенная реконструкция контексту поэтического мира. Думаю, что ты явно или неявно учиываешь известные тебе координаты его мира, даже специально их не определяя, а мне, в силу слабого знакомства с его творчеством, трудно это сделать. Поэтому всецело доверяюсь твоим выводам, воспринимая их без сомнения и критики.

11. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

О! Вот здесь у нас с тобой разница в подходах. Я рассматриваю текст — как живой самодостаточный организм со своими системами жизнеобеспечения. По идее, он должен быть самодостаточен, ведь когда ты его воспринимаешь, ты не обязан знать другие тексты или биографию автора. И если он воспринимается и вызывает отклик, то мой подход правомерен. А взаимоотношения текста и всего творчества данного автора — как океана и капли воды. Думаю, аналогия достаточно прозрачна.

13. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...Разница в подходе, безусловно, есть, и заключается она в том, что ты контрабандно привносишь в разбор (возможно неосознаваемые) представления о поэтическом мире автора текста, а я пытаюсь сделать это явно.

21. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...Более всего меня поразило, как, идя таким кружным путем, исследуя такие внешние вещи, как количество строк и характер рифмовки, ты умудрился получить столь глубокие результаты⁶, практически идентичные тем, которые — правда, быстрее и легче, получил бы и я.

Я, конечно, понимал, что сема разлита во всем тексте, на всех его уровнях, но что ее можно отловить в таком второстепенном носителе, как количество строк в тексте, об этом не думал, просто не думал. Правда, и путь получился длинный, в моей шахте руда ближе к земле подступает.

Теперь о том, что мне кажется досадным проколом. Мне кажется, что основное твое понятие — поэтический мир автора — досадно провисает. Сейчас объясню, почему.

Ты влез в довольно зыбкие области представлений о механизме восприятия слова. В твоей модели восприятие слова уподоблено нажатию клавиши на компьютере и появлению изображения на экране. Однако проблема в том, что у разных людей на экране будут вспыхивать разные изображения, т. к. значение слова имеет все-таки вероятностный характер. А если это так — а это так, хотя есть и другие тому причины, то твое определение поэтического мира автора как отражения в сознании воспринимающего образов всех текстов автора лишается смысла.

Я уже не говорю о том, что читатель не обязан знать все тексты автора, и это не должно мешать ему подсознательно воспринимать некий срез текста, подчеркиваю — срез. Так как другой читатель воспримет другой срез, и, возможно, образы в его сознании возникнут другие.

У КАЖДОГО читателя возникнут свои интерпретации того, что ты называешь поэтическим миром автора, и я не увидел, чтобы ты учитывал эту вариативность. Более того, сам термин кажется мне неудачным в свете сказанного выше. Впрочем, к самому анализу и к книге в целом это отношения не имеет.

Свой путь и метод ты нашел без сомнения, и этот оригинальный метод позволяет получать глубокие результаты, в этом плане ты меня не разочаровал.

22. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

По поводу поэтического мира я и сам чувствую, что нет ясности в проблеме. Сколько ни читал по этому вопросу, начиная с В. Соловьева, так и не сдвинулся. По поводу «естественно-исторических» границ отдельного произведения у нас был разговор с одним из наиболее видных, способных и деятельных филологов — Максимом Ильичом Шапиром, издающим журнал «Филологика». Поэтому как себе представляют границы литературного произведения филологи, мне хорошо известно. Понятие поэтического мира (и единого текста) позволяет выйти за эти границы. Это примерно то же самое; что выйти за границы яйца. Такая постановка проблемы сразу настораживает курицу, только что снесшую это яйцо, но речь идет о модельном выходе, имитирующем естественное развитие этого яйца и превращение его в новую, похожую, но не ту же самую курицу.

Действительно, каждый читатель видит произведение по-своему. Но что есть различия? Как бы ни менял наш хороший знакомый одежду или выражения лица, мы будем испытывать радость узнавания. Различия, другими словами, подразделяются на те, которые не препятствуют распознаванию образа, и те, которые не позволяют сказать, прежний объект перед нами или уже новый.

Выскажу смелое предположение, что одно и то же произведение, при всех различиях индивидуального восприятия, вызывает у подавляющего количества слушателей один и тот же отклик и только у некоторых — нечто иное. Филологов слишком заботит то обстоятельство, что в аудитории окажется несколько человек, воспринимающих не точно в том ключе, как хотелось бы автору, а по-своему. Но большинство-то понимает правильно. Люди-то все одинаковы, как, например, мы с тобой. Но если бы наши мнения совпадали по всем пунктам, один из нас, как искатель истины, был бы лишним. Заметил ли ты, что мероны⁷ — это и есть то, что ты называешь «рядами»? А ряд, с мерономической точки зрения, — это вырожденный мерон, т. е. такой, члены которого отличаются только по степени выраженности одного признака. Это и позволяет построить из них ряд по этому признаку. Например, если признак — окраска волос, то ряд составят, по убывающей интенсивности окраски, брюнеты, шатены, блондины (и блондинки, разумеется).

22. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

Боюсь, что по поводу воздействия текста на разных людей ты радикально не прав. Я, например, абсолютно равнодушен к стихам Пастернака. И таких, как я, много. Я в Реальности мифа, помнится, рассматривал текст как трапецию, в которой скрыто множество треугольников. Каждый из них — возможный вариант восприятия одного и того же текста разными читателями. Дело в том, что у каждого из нас свои цепочки ассоциаций, да и жизненный опыт свой, а стало быть, и эмоциональная окраска окружающего мира. И здесь я вижу прокол твоей модели.

Мероны — да, можно так сказать, хотя я сему понимаю шире. Например, вся семантика Башни, которую ты поднимаешь, в моих глазах — семантика могилы. Сема — организация пространства. Но это блошка, не более.

То есть сема для меня — почти всегда не внешнее описание образа или ситуации, как для тебя, но нечто более глубокое, скрытое, внутренняя пружина текста. Собственно, ведь и ты к тому приходишь.

24. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...Вопреки распространенному мифу, ученые — это не те, кто делают «открытия», а те, кто вносят усовершенствования в текущую технологию, в том числе и в технологию научной деятельности. Ни Налимов, ни Гумилев не внесли заметного вклада в развитие научной технологии, но выступили ее популяризаторами, что тоже немало. Все это длинное отступление направлено на то, чтобы скромно поведать: моя работа — это больше демонстрация исследовательской технологии, чем решение проблемы строения и развития поэтического мира А. Ахматовой. Было бы большим самомнением с моей стороны претендовать на большее, чем описание и разъяснение «путем употребления» естественно-научной методологии в том виде, в каком она доступна моему пониманию. Кто-нибудь другой, отталкиваясь от этого, поймет лучше и сделает следующий шаг. Не вершиной я себя мню, а только мостом.

24. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...Наезжаю я на тебя именно потому, что работа — блестящая, а тот прокол, о котором я говорю, не просто досадный прокол, но говорит о большой узости подхода, которой нет на самом деле. Пренебрежение вариативностью восприятия говорит об известной ограниченности сознания и концепции (ну, так я это вижу в своей модели), и это тем обиднее, что существует она лишь в этой точке, никак не влияя на методику разбора. Обидно, Зин.

25. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...Моя высокая оценка твоей работы естественна, потому что ты предложил законченную и проработанную систему исследования. Как у человека, сделавшего то же самое, у меня конечно есть претензии к твоему исследованию, но общей сути и общей оценки это не меняет. Боюсь только, что немного филологов дочитают твою книгу до конца. Читать ее с неослабевающим вниманием сложно в силу сложной подачи материала. Это претензия к тебе как к автору.

27. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

...Относительно литературных достоинств своей работы я не заблуждаюсь. Это я в письмах только такой развязный, а текст писал еще и в расчете на местный истеблишмент, уснастил его ссылками, словно это традиционная научная работа, хотя на самом деле, не знаю, почувствовал ты или нет, это в значительной мере мистификация, или, как выражается современная молодежь, приколы. Но и доля «правды» в этой «шутке» тоже весьма значительная. Прикалывался я эпизодически, в надежде, что читающий со звериной серьезностью через некоторое время начнет дико хохотать, но оттрястись до конца так и не сможет. Приколов несколько, два из которых — «математические». Филологи, как все гуманитарии, с особым пиететом относятся к языку, особенно к его

предельно формализованной форме — математике. Эта наука подсознательно представляется многим из них вершиной гуманитарного знания, поскольку они стремятся к подобной же вырожденной (т. е. лишенной многозначности) манере выражения.

Для меня как «физика» математика и филология — это два крайних полюса гуманитарного знания, а естественными науками являются только те, результаты которых опровергаются не логикой, а экспериментом. О возможностях эксперимента я тоже не заблуждаюсь. Известно, как «физик» доказывает в «эксперименте», что все нечетные числа простые:

- 1 — простое число
- 3 — простое
- 5 — простое
- 7 — простое
- 9 — ошибка эксперимента
- 11 — простое
- 13 — простое...

Заканчиваем эксперимент. Теорема доказана.

В этом же ключе «доказано», что распределение элементов в мероне подчиняется закону Ципфа и что систему трансформаций описывает кляйновская группа 4-го порядка. Я лишь хотел привлечь внимание к тому, что за внешним разнообразием проступают «железные» общелингвистические закономерности. О законе Ципфа, например, слышал далеко не каждый филолог⁸. Это примерно то же самое, если бы не каждый химик слышал о таблице Д. И. Менделеева. Ну, а про мероны еще и подавляющему большинству биологов неизвестно. Тот факт, что выделяемые полиморфные множества ты упорно называешь «семантическими рядами», свидетельствует, что мысленным взором ты видишь именно мероны, но в филологии, как и в биологии, нет еще самостоятельного наименования для этого класса объектов. Тем более не приходится говорить о понимании особенностей их строения, классификации и т. п. Впрочем, литератору ничего этого не требуется.

28. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

...Я, несомненно, оценил уровень стебовости, с которой ты доказал, что, говоря о семантических рядах, я имею в виду мероны (мне на самом деле кажется, что сема в моем понимании несколько отличается от твоего понимания мерона, хотя говорить об этом отличии я сейчас не хотел бы, слишком долго получится, побеседуем, как ты любишь говорить, как-нибудь потом).

Вообще, что касается твоих приколов и обилия математики, я это просто пробегаю глазами, т. к. понимаю, что математику можно намазать на что угодно (сам сим грешил по молодости лет) и что на самом деле никакого значения для понимания сути метода она не имеет. Главное же — техника разбора и его результаты. Вот это и надо оценивать. Это я читаю очень внимательно. Оценку я тебе уже высказывал в одном из предыдущих писем.

29. 12. 1999. В. Корона — А. Бурштейну

Высылаю тебе новогодний подарок в виде присоединенного файла в формате ДООС текст с разбиением на строки. Это первая часть работы «Ведьма»⁹. Вторую даже не начал и едва ли начну в ближайший месяц.

30. 12. 1999. А. Бурштейн — В. Короне

Привет, Валентин. Поздравляю тебя с наслаждением — и с Новым годом, и с прекрасным разбором. Я по-настоящему насладился вчера, причем это был высокий кайф. Знаешь, меня не отпускало ощущение сна — читал как будто свой текст. Разбор филигранный, ты не пропустил ничего. Разве что не отметил явно присутствующий в тексте «Ведьмы» перевертыш. И я бы немного сместил акценты, связанные с «вредоносностью» красоты. Ты, мне кажется, недооценил строку «Вот-вот сгорю я, как свеча...». Функция красоты в тексте — не портить мед и хлеб, а освещать убожество и уродство мира, в котором толпа разбирается с ведьмой. Дегтем еда отдает не потому, что красота исказила хлеб и мед, а потому, что они всегда всегда им отдавали, но этого не замечали. А теперь, на фоне того мира, куда красота зовет и откуда, видимо, пришла — убожество сути тварного мира стало заметно (хлеб и мед — в каком то смысле «суть», «благо» тварного мира). Впрочем, к сути разбора эти замечания отношения не имеют.

Я бы еще добавил, что на профанном уровне смысл песни — о невозможности бегства из России 70-х. Страна, где дышится легко, — Запад, а точнее — Израиль, каким он виделся тогда автору. Впрочем, это тем более не имеет отношения к твоему прекрасному разбору.

5. 01. 2000. А. Бурштейн — В. Короне

Валентин, привет. Упрек твой, неявно выраженный, проглотил, и съел. Ну, прости, но мне правда гораздо важнее твои результаты, чем то, как ты к ним приходишь.

Возможно, это из шкурных соображений: ведь если мы разными путями получаем близкие результаты, значит, они объективно близки к истине. А КАК их получить, я знаю и сам. ...Я был поражен тем, КАК ты угадал то, что я всегда думал; главное, что ты ВИДИШЬ, а если ВИДИШЬ, обосновать то, что ВИДИШЬ, можно разными путями.

05. 01. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

Спасибо и за высокую оценку моей работы. Не скрою, я писал ее как «подражание Бурштейну». Не решил еще, оставить или снять этот подзаголовок в окончательном варианте. «Свечу» пропустил по невнимательности. Хотел отметить, что свеча — это не только символ сгорания без следа (первый план образа), но и предмет, специально предназначенный для сжигания (повтор на втором плане семы жертвенного служения), а главное, что свеча сгорает не ради доставляемого тепла, а ради света (предвосхищение первого качества красоты, подобного действию ослепляюще яркого света).

Предлагаемая интерпретация одной из функций красоты, обозначенная как способность «изменять в худшую сторону качества пищи», разумеется, ошибочна. Интуитивно ясно, что автор намекал на что-то другое, но в заданном объеме текста этот намек невозможно понять (мне, во всяком случае), поэтому я и ограничился простейшей интерпретацией — демонстрацией буквального смысла производимой операции преобразования.

Должен сказать, что я заметил и еще кое-что, выходящее за рамки текста этих двух произведений, но не стал даже намекать на эту «акулу смысла» из чувства самосохранения. Это одна из главных внутренних пружин творчества — конфликт двух культур, полем сражения которых служит сознание (подсознание) автора. ...

18. 01. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

...Поэтическое творчество, конечно же тайна. Никакой ее разгадки быть не может, пока мы здесь. Поэзия — Солнце, а поэтика — в лучшем случае — Луна.

18. 01. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

...Всегда приятно убедиться, что тебя читают, причем внимательно, как это делает только враг, выслеживающий малейший промах. Вот бы еще и настоящий враг обнаружился. Разве не враги заставляют нас ощутить всю полноту существования? А главное — свою неединственность в этом мире. Мне кажется, Лермонтов — это пример негативной кооперации. Поэтому он и любил врагов. Добро и Зло — суть два способа связи с миром — позитивный и негативный. Это уже мысли, навеянные попыткой предвосхитить идею будущего эссе. Центральная идея — нехристианская любовь. (Печорин: люблю врагов, но не по-христиански).

19. 01. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

...Мне, например, глубоко чужда вся эта цыганщина — все эти Бхагават-гиты, явно уважаемые и составляющие важную часть мировоззрения. Они для меня в одном ряду с цыганскими романсами и прочими интеллектуальными развлечениями русской купеческой интеллигенции прошлого века. Ныне различие состоит только в том, что не дикие индийские племена бегут из страны, выживая в чуждой среде благодаря паразитическому использованию своей экзотической культуры, а уже и европейцы начали «Паломничество в страну Востока». Я, наверное, расист в стиле Киплинга: Восток — не мой Восток. Не могу я всерьез обсуждать существование каких-либо махатм, атлантов или пришельцев. Естественно-научное образование мешает. Но я понимаю, что гуманитарий должен как-то отвечать для себя на «вечные вопросы». Вот и Кальпиди пытается это делать. Его тексты — прихотливый сплав «ума холодных наблюдений», «сердца горестных замет» и усвоенных в причудливой переработке обрывков современной мистики. Но чувствуется, что его цель — не только «оттянуться со вкусом». Он, как всякий поэт, вольно или невольно — пророчесствует. И со временем он в этом укрепляется.

19. 01. 2000. А. Бурштейн — В. Короне

Ну, Валентин, ты даешь! Цыганщина и Бхадгаватгита, мягко говоря, в разных весовых категориях. Естественно-научное образование, pardon, ни при чем, не вали в одну кучу. Многие ученые мужи были религиозны, и это с их образованием абсолютно совмещалось. Нету в «Мерцании»¹⁰ никаких махатм, пришельцев и атлантов. А есть только тема жизни и смерти, причем смерть понимается как новое рождение, вполне в духе метаморфоза, кстати.

20. 01. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

...Но прежде все-таки о поэтике Кальпиди. Действительно, это новая, совершенно незнакомая и непонятная для меня система... Мне трудно выйти за рамки классики, а тем более — перейти к новой классике. У меня нет никаких оснований сомневаться в твоей оценке творчества Кальпиди.

Ты доказал и своей книгой, и разборами, что владеешь понятным мне методом. Но Кальпиди, как мне кажется, выходит и за эти рамки. Используя избитое сравнение, можно сказать, что вся классика — это одна Земля, разнообразие условий на которой и способов жизни хотя и безгранично велико, но принципиально понятно (горы и равнины, болота и пустыни со всеми обитателями). А как передать свои ощущения от другой планеты, значительно большей по размеру (или, напротив, миниатюрной, размером с горошину), если и пейзажи и обитатели ее хотя и похожи на известных, но не очень. Так и Кальпиди, пишет о жизни и смерти... причем его жизнь и смерть не вполне человеческие... Другими словами, будущее, конечно, за инопланетянами. Человечество прекратится, возможно, раньше, чем это многим представляется. Но не исчезнет, а перейдет в какие-то новые формы жизни, одну из которых уже сегодня можно ощутить в книге «Запахи стыда».

25. 01. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

...Дочитал книгу «Мерцание» и только когда начал перечитывать, до меня начал доходить смысл некоторых стихотворений. Должен сказать, что действительно здорово. Хорошо, что это совершенно чуждая мне поэтика, иначе бы я попал под ее обаяние и пропал. Вот уж точно — это поэтика не нашего века. Хотя, как посмотреть. Помнится, еще Дж. Бруно проповедовал множественность обитаемых миров. Пропал бы в том смысле, что образы затягивают и подчиняют. Начинаешь видеть мир так же и утрачиваешь себя. Как ни прекрасен Кальпиди изнутри, а своя рубашка ближе к телу. Лучше иметь такого брата, а еще лучше — двойника. Его тексты заставили меня переосмыслить сюжет об Каине и Авеле. Я вдруг понял, что для Каина не было никакого ужаса в убийстве родного брата. Разве не вправе мы отсечь родную руку?

16. 02. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

...Получил четыре письма и три присоединенных файла — Планы, Собака и Пыль¹¹. Прочитал только стихи и понял наконец достаточно ясно, в каком уникальном положении ты находишься. Ты — первый читатель стихов, зафиксированных *in statu nascendi*. Редко кому выпадает возможность так близко видеть Автора. Причем стереоскопически, с двух сторон, да еще и рентгенологически, в глубину. Результатом должно быть достаточно крупное (не обязательно по объему) теоретическое обобщение, значимое для такого раздела филологической науки, как «Психология художественного творчества». К этому ты, наверно, и подбираешься, не доводя разборы до статей. Конечно же, результатом должна быть книга.

03. 04. 2000. А. Бурштейн — В. Короне

...А про Мороз¹² — нет слов. Блестящая, сенсационная и виртуозная работа. Повторяю, читал с ученическим восторгом.

03. 04. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

Писал я, как видишь, непрерывно. Этот текст — Мороз, поэма — как-то вдруг вцепилась в меня сразу всеми десятью своими лапами, как спрут, и вот два с половиной месяца ничего делать не мог, только отдираю одно щупальце за другим, присоску за присоской.

10. 04. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

...Прочитал и твой комментарий, и лишней раз убедился, какую уникальную пару вы с Кальпиди составляете. Текст произведения + текст-рефлекс Автора + текст-рефлекс Собеседника — ... это же ПРИЗМА! Исследование отражения в этих трех гранях может быть самостоятельной работой. Но для этого требуется и особая методика, и методология, и еще неизвестно что. А пока остается только накапливать материал.

03. 05. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

... Дело в том, что биологическая наука у нас сейчас находится в положении, чем-то напоминающем ситуацию романа «451° по Фаренгейту» (точную цифру не помню, да и романа не читал, а слышал в пересказе). Все книги «сожжены» (экономически недоступны), вот и приходится учить студентов только тому, что сам еще помнишь. А поскольку я еще помню, что читал по проблеме происхождения жизни на Земле 30 лет назад, вот и должен это записать, чтобы другие тоже могли что-нибудь рассказать на эту тему, если спросят.

В настоящее время происходит невиданный расцвет гуманитарного знания на фоне почти полной редукции естественнонаучного. Известный спор между «физиками» и «лириками» однозначно решен в пользу «лириков». Со всеми вытекающими последствиями. Одно из них — регулярный «Астрологический прогноз» (?!!!), передаваемый по местному телеканалу и пользующийся большим успехом у слушателей. Наступило новое средневековье. А мы, случайно уцелевшие научные сотрудники из нового времени, пытаемся сохранить крохи позитивного знания, непонятно для чего.

18. 07. 2000. В. Корона — А. Бурштейну

Только сегодня вернулся с биостанции (это место практики студентов-биологов в двух часах езды от города). Собираю материал (листья разных видов растений, для отчета по научной работе в институте). Понял, наконец, как устроен лист парезника (*Lebanotis*). Это очень знаменательное для меня событие. Примерно четверть века назад я впервые задумался над тем, как устроен этот лист, и вот только сейчас понял.

13. 01. 2001. В. Корона — А. Бурштейну

...Получил твое письмо с размышлениями по поводу первоисточка, как я понял, первого рода литературы — драматургии¹³. Мне кажется, ты прав, это и есть первоисточник. ВИДЕНИЕ, после которого наступает ощущение приобщения к ТАИНЕ. Сначала это Видение жрецы пытаются сделать коллективным достоянием через обряд, потом драматурги (ург — творец!) — через драматическое действие (театр, где первоначально, как мы знаем, «гибли всерьез»), а сейчас литераторы пытаются воспроизвести то же самое через «текст». (Кстати, поход в театр — тоже своего рода обряд). Ряд отстранения (остранения): действие — зрение — умозрение. От участника картины к ее зрителю и, наконец, — к умозрительному созерцанию... чего? Теперь уже только того, что внутри.

15. 01. 2001. В. Корона — А. Бурштейну

...Кстати, если христианин воспринимает это переживание в контексте мистерии, то и должен ощущать его природу как «сатанинскую». Не в этом ли контексте воспринимал катарсис Блаженный А[вгустин]? ... Ты подошел к явлению, его истории и современному продолжению «изнутри», а не с внешней, «исторической» точки зрения, «пережив» связь времен, а не только «просмотрев» ее. Что касается ВИДЕНИЯ как основного содержания мистерий, то это отдельный вопрос. Если все видели (ощущали) одно и то же, то это, конечно, что-то глубинное, «архетипическое», общее «нутро» каждого. Лучшего способа единения нации, класса, касты, секты, наверно, не существует. Вот нас с тобой, мне кажется, сблизил именно этот уровень. Далее следует уровень религии, в низшей (или высшей) точке совпадающий с мистерией (литургия в христианстве), и далее — «искусство» со всеми его «вывертами» (стремлением хотя бы в отдельных пунктах приблизиться к мистерии). Поэзия, конечно, подходит ближе всего.

15. 01. 2001. А. Бурштейн — В. Короне

... Ну, а что до Блаженного Августина, то в «Исповеди» он пишет, что в молодости отдал дань порочным развлечениям, увлекался и театром. Но театр для него вовсе не сакрален, он уже только развлечение. И именно порочное, сатанинское. Августин пишет о том, что в трагедии актеры разыгрывают страдания. И мы смотрим на это с удовольствием. И чем подлиннее актеры изображают страдания, тем большее удовольствие мы получаем. Но это греховно по сути, т. к. нам вид чужих страданий не должен приносить радость. Мы не должны получать удовольствие от страданий ближнего. Это — сатанинский соблазн а не очищение.

Вот, так — или примерно так, Августин говорил о Катарсисе.

Во всем остальном ты — как всегда безупречно точен. Связало нас именно общее видение именно этого «нутра», для которого, кстати, несть ни эллина, ни иудея.

04. 04. 2001. В. Корона — А. Бурштейну

...Заметно изменилась и психология молодежи, выросшей за последнее десятилетие. Поскольку среда, в которой они формировались, — хаосогенная, то оптимальная стратегия выживания — ненакопление жизненного опыта. Любой опыт в такой ситуации — обуза, затрудняющая адаптацию, способность быстро, без колебаний и размышлений, менять форму существования... А в целом жизнь продолжается, и есть надежда что со временем эта молодежь поймет, что бежать некуда и надо устраивать жизнь в этой стране.

28. 05. 2001. А. Бурштейн — В. Короне

...Перечитывая прозу Надежды Яковлевны Мандельштам, которая была умным и проницательным человеком и одно время дружила с Ахматовой, я наткнулся у нее на следующее:

«Как прошли мимо основной и лучшей струи в поэзии Ахматовой и не заметили, что она поэт отречения, а не любви?»

Я сам над Ахматовой не медитировал, и твой вывод — о том, что главная ее тема — отказ от любви, помню, меня в свое время потряс — собственно, по ходу чтения твоей книги я и сам это увидел, конечно. А Н. Я. Мандельштам со свойственной ей интуицией это уловила напрямую. Ее оценка подтверждает твою правоту.

Примечания

¹ Имеется в виду книга А. Бурштейна, которую В. Корона прочел, взяв распечатку у знакомой. (Первая часть книги Бурштейна была опубликована в журнале «Несовременные записки» (Пермь, № 1. С. 192—228.) Именно прочтение «Реальности мифа» вызвало его интерес к личности автора и желание познакомиться с ним поближе. Подробности о книге см. далее в текстах писем.

² Работы А. Бурштейна: *Галич* — «Семантика холода в песенке А. Галича "После вечеринки"» (см.: Архетипические структуры художественного сознания: Сб. статей. Второй выпуск / Под ред. В. В. Короны и Е. К. Созиной. Екатеринбург, 2001. С. 126—129); *Пуговка* — «Эссе о коричневой пуговке»; *Велтиста* — «Эссе о лунном свете и дожде» (см. наст. изд.).

³ Работы А. Бурштейна: *Бродский* — «Миграция поющего воронья (медитация над старым-старым стихотворением И. Бродского)» (см.: Уральская новь. 1998. № 3); *Мандельштам* — «Эссе о тумане и вдохновении»; *Мокша* — «Поэзия? Нет, ритуал. Несколько слов о творчестве поэта Сандро Мокши» (см.: Уральская новь. 2000. № 7).

⁴ Имеется в виду работа А. Бурштейна «Слушающий голоса Тьмы (медитация над поэмой М. Ю. Лермонтова "Мцыри)» (см.: Лабиринт. 1991. № 2; Уральская новь. 2001. № 11).

⁵ Имеется в виду работа А. Бурштейна «Прощальный взгляд на летний вечер (Медитация над стихотворением "Летний Вечер" из книги стихов "Ресницы" поэта Виталия Кальпиди)».

⁶ А. Бурштейн пишет это в связи с прочтением книги Короны «Поэзия Анны Ахматовой: Поэтика автовариаций» (Екатеринбург, 1999), которую В. В. посылал ему электронной почтой.

⁷ В. Корона писал: «Термин "мерон" ввел С. В. Мейен (учитель В. В. в области биологии. — Ред.) для описания повторяющихся полиморфных множеств признаков, встречающихся у объектов различной таксономической принадлежности. Например, у современных и ископаемых растений встречаются сходные формы листьев. Разнообразие форм создается варьированием глубины и последовательности членения листовой пластинки, а сходство обусловлено тем, что одни и те же модусы расчленения встречаются и у ископаемых глоссоптеридий, и у папоротников, и у современных цветковых растений. В результате у объектов различного филогенетического происхождения и положения обнаруживается одно и то же разнообразие листоорганов.

Это разнообразие и называется мероном. Мерон — это не хаотический набор признаков, а упорядоченное их множество. Основой упорядочения служат параметры формообразования, выявленные на совокупности объединяемых в это множество объектов» (Корона В. В. Поэзия Анны Ахматовой... С. 193).

⁸ Закон Ципфа — по имени его открывателя, Дж. Ципфа, который в конце 40-х годов нашего столетия, собрав огромный статистический материал, попытался показать, что распределение слов естественного языка подчиняется одному простому закону, который можно сформулировать следующим образом. Если к какому-либо достаточно большому тексту составить список всех встретившихся в нем слов, затем расположить эти слова в порядке убывания частоты их встречаемости в данном тексте и пронумеровать в порядке от 1 (порядковый номер наиболее часто встречающегося слова) до R , то для любого слова произведение его порядкового номера (ранга) в таком списке и частоты его встречаемости в тексте будет величиной постоянной, имеющей примерно одинаковое значение для любого слова из этого списка. Аналитически закон Ципфа может быть выражен в виде $fr = c$, где f — частота встречаемости слова в тексте; r — ранг (порядковый номер) слова в списке; c — эмпирическая постоянная величина. Полученная зависимость графически выражается гиперболой. Исследовав таким образом самые разнообразные тексты и языки, в том числе языки тысячелетней давности, Дж. Ципф для каждого из них построил указанные зависимости, при этом все кривые имели одинаковую форму — форму «гиперболической лестницы», т. е. при замене одного текста другим общий характер распределения не изменялся.

Закон Ципфа был открыт экспериментально. Позднее Б. Мандельброт предложил его теоретическое обоснование. Он полагал, что можно сравнивать письменный язык с кодированием, причем все знаки должны иметь определенную «стоимость». Исходя из требований минимальной стоимости сообщений, Б. Мандельброт математическим путем пришел к аналогичной закону Ципфа зависимости $fr = c$, где c — величина (близкая к единице), которая может изменяться в зависимости от свойств текста.

Дж. Ципфом и другими исследователями было установлено, что такому распределению подчиняются не только все естественные языки мира, но и другие явления социального и биологического характера: распределения ученых по числу опубликованных ими статей (А. Лотка, 1926 г.), городов США по численности населения (Дж. Ципф, 1949 г.), населения по размерам дохода в капиталистических странах (В. Парето, 1897 г.), биологических родов по численности видов (Дж. Уиллис, 1922 г.) и др. (Указанные сведения приведены по: <http://teneta.rinet.ru/archive-chat-2000/Jan12.html>. Сообщено А. Бурштейном).

⁹ Работа В. Короны «Визитка ведьмы» публикуется в нашем сборнике.

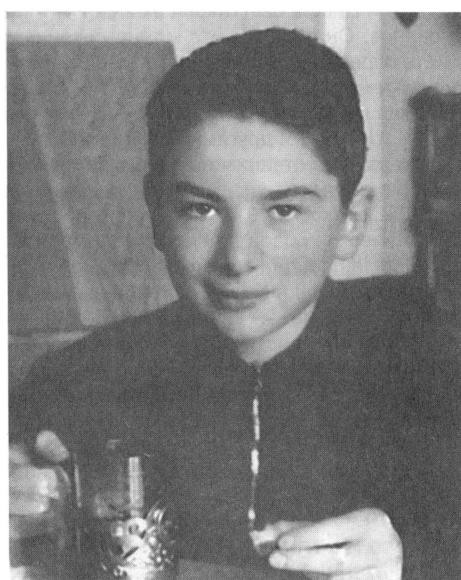
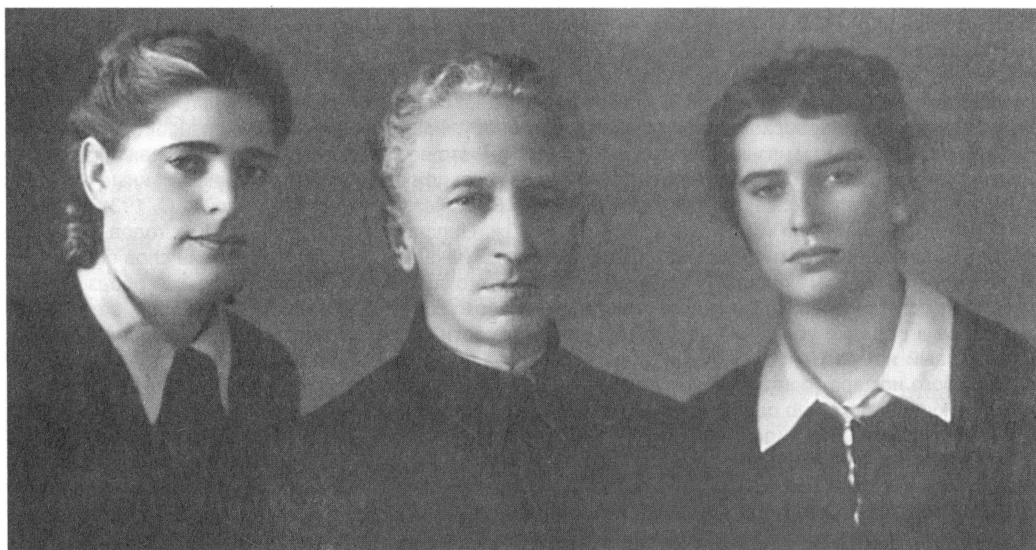
¹⁰ «Мерцание» — книга стихов В. Кальпиди (Пермь, 1995).

¹¹ *Собаки* — рассказ Дины Рубиной; *Планы и Пыль* — стихи В. Кальпиди из книги «Запахи стыда», которую в то время читал Корона.

¹² Имеется в виду работа В. Короны о поэме Н. Некрасова «Мороз, Красный нос», см.: Корона В. В. Мороз, Красный нос и его жена, Дарья // Архетипические структуры художественного сознания: Сб. статей. Второй выпуск. С. 24—47.

¹³ Имеется в виду работа А. Бурштейна «О природе катарсиса».

1. Мать, Ольга Макаровна Шабалина; 2. Отец, Вонифатий Константинович Корона; 3. Дядя, Андрей Петрович Ковалевский с женой Валентиной (слева) и дочерью от первого брака Зоей (справа); 4. В. Корона — школьник; 5. За чаем.

1. В Ялте; 2. Студент; 3. На военных сборах; 4. Молодой научный сотрудник;
5. С друзьями: Н. Г. Смирновым (слева) и А. В. Добровым (справа).

1. С женой Ольгой старшим сыном Даниилом (1983 г.); 2. С коллективом кафедры физиологии и биохимии растений (вторая половина 1980-х гг.). В нижнем ряду второй справа — зав. кафедрой А. Т. Мокроносов; 3. На конференции в г. Йошкар-Оле (2000 г.)